

Чиновники, как гражданские, так и военные, были крайне разгневаны. После этого почти все, кто носил фамилию Шан, заперлись в своих домах, словно черепахи, особенно те, кто находился в столице. Обычно они, будучи родственниками императора, вели себя высокомерно и позволяли себе многое. Честно говоря, в случае мелких проступков или даже незначительных преступлений власти обычно закрывали глаза. В конце концов, законы, которые они применяли, часто были менее эффективны, чем поход к императору с жалобой.

Кроме того, наказания для знати всегда отличались от тех, что применялись к простолюдинам. Например, в случае восстания, если бы оно было совершено простолюдином, это точно закончилось бы казнью всей семьи. Но когда это сделал Второй принц, император не мог казнить себя, да и не хотел казнить своего сына.

Поэтому, когда он увидел приговор, представленный Министерством наказаний, император был ошеломлён. Долгое время он не мог вымолвить ни слова, а затем дрожащим голосом произнёс:

— Колесование?

Чиновник, подавший доклад, стоял неподвижно, и императору пришлось с трудом продолжить чтение. Один за другим имена следовали за словом «казнить».

Второй принц уже был женат, у него была одна жена и две наложницы, которые родили ему двух сыновей и одну дочь. Теперь все их имена были перечислены в этом докладе.

Император, опустив доклад, выглядел так, будто постарел на десять лет. Он понимал, что на этот раз ему придётся уступить, и через пять дней он должен будет издать покаянный эдикт, осуждающий свои ошибки. В противном случае чиновники не оставят его в покое, и он быстро станет императором лишь по названию.

На этот раз Второй принц зашёл слишком далеко, что объединило почти всех придворных. Император опустил глаза и, сгорбившись, сидел на троне, закрыв глаза, чтобы скрыть свои эмоции. Через некоторое время он произнёс лишь одно слово:

— Одобряю.

Однако его поведение не вызвало сочувствия среди чиновников. Теперь он раскаивается, а где был раньше? Этот мятеж, хотя и длился недолго, был подавлен быстро. Но разрушения в пострадавших районах были катастрофическими.

Сейчас наказание главного виновника служит предупреждением для всех. Разве это неправильно? В их семьях есть свои повесы, но их учат быть осторожными, не лезть туда, куда не следует, и не переступать определённых границ.

Разве только потому, что они принадлежат к императорской семье, они могут действовать безнаказанно?

Особенно те, кто потерял родственников из-за этой бессмысленной войны, готовы были разорвать Второго принца на части.

Пока император не издал покаянный эдикт, область Хэчжоу уже была освобождена.

Линь Дань, только что вернувшийся домой, получил письмо из чайной лавки, и его лицо не смогло скрыть эмоций. Он взял письмо и отнёс его старшему дяде Линь.

Старший дядя Линь, прочитав письмо, тоже выглядел озадаченным и предложил:

— Сначала верни А Лэ его договор о продаже. Если он смог превратить шайку водных разбойников в армию, значит, у него есть талант в этом деле. Наша семья Линь сильна в учёбе, но военное дело — не наше, не стоит задерживать его.

Линь Дань подумал и согласился:

— Договор, конечно, нужно вернуть. А Лэ был одним из самых способных моих подчинённых. А Сян хорошо справляется с домашними делами, но в других аспектах уступает А Лэ в сообразительности, а остальные и вовсе не могут с ним сравниться. Но раз уж он сделал для меня так много, особенно в этот раз, когда рисковал жизнью, я вряд ли смог бы сделать то же самое на его месте. Теперь, когда у А Лэ появилась лучшая перспектива, нельзя мешать его карьере.

— Не знаю, есть ли у отца знакомые военачальники. А Лэ ещё молод, и если возможно, ему стоит поучиться у подходящего генерала, чтобы в будущем не погибнуть на поле боя.

— Ты правильно мыслишь, — согласился старший дядя Линь, но у него были свои сложности. — У меня нет хороших связей с военными... Фактически, военные в столице, если не подставляют меня, уже хорошо, а уж принимать в ученики бывшего слугу из нашей семьи — это было бы слишком.

Линь Дань, говоря это, не подумал об этом, и, увидев озабоченное лицо старшего дяди, понял, что ошибся, и сам нахмурился.

Когда жена старшего дяди Линь и Линь Ин вошли в комнату, они увидели двоих, сидящих с одинаково озабоченными лицами и в одинаковых позах, словно две капли воды. Кто бы не подумал, что они отец и сын?

Увидев входящих, они тут же выпрямились, став образцом приличия.

Линь Ин, не зная, что в его старшем брате всёлилась другая душа, лишь заметил, что после своего чудесного спасения тот стал более жизнерадостным. Раньше старший брат проверял его уроки, а теперь готовил вкусную еду. Поэтому он машинально положил руку на живот:

— Брат...

Линь Дань уже знал о его аппетите и сразу же сказал:

— Ты голоден? Я принёс много кедровых орешков, они очень вкусные.

Глаза Линь Ин тут же загорелись.

Жена старшего дяди Линь тут же нахмурилась:

— Десять штук в день, не больше.

Затем она повернулась к Линь Даню:

— Не балуй своего брата, он всё время ест, словно голодный зверь, не боишься, что он заболит?

Линь Дань, пока жена старшего дяди не видела, подмигнул Линь Ин.

Линь Ин тут же показал знак, что понял, но внешне продолжал выглядеть подавленным.

Старший дядя Линь вступился за младшего сына:

— Ну что ты, у нас в доме еды хватает, зачем его ограничивать? Чем больше запрещаешь, тем больше он хочет, и потом съест ещё больше во время обеда. Бедный мальчик, даже дома не может наесться, к счастью, чайная лавка у ворот готовит неплохо, хотя иногда хозяин увлекается и делает такие закуски, что их вкус... своеобразен. Теперь, когда Даньдань вернулся, нужно попросить его научить хозяина лавки, ведь вести бизнес непросто, особенно если он хочет, чтобы его сын мог наесться.

Однако старший дядя Линь был не в силах повлиять на жену, и она сказала Линь Даню:

— Госпожа Ли и её трое детей уже некоторое время живут у нас. Ты их спас, теперь, когда ты вернулся, тебе стоит с ними встретиться и поговорить, помочь им.

Линь Дань нахмурился:

— Сколько дней уже прошло? Ли Далану ведь уже девятнадцать?

Он понял, что жена старшего дяди говорила не просто из вежливости. Они обсуждали семейные дела, и не было нужды в таких формальностях. Видимо, семья Ли действительно не смогла справиться с потерей.

Хотя восстание в Хэчжоу было неожиданным, но разве жена губернатора, дочь заместителя премьера, не могла сама поддержать своих детей? Материнский инстинкт силён, в их семье, даже когда всё было плохо, женщины были сильнее всех.

Кроме того, Ли Далану девятнадцать, Ли Эрлангу семнадцать, а третьей дочери четырнадцать, все они уже взрослые...

При упоминании этого не только жена старшего дяди и сам старший дядя, но и Линь Ин выглядели озадаченными.

— Тот Ли Даланг хочет соблюдать трёхлетний траур по отцу. Это, конечно, правильно, — прямо сказал Линь Ин своему отцу. — Папа, если ты умрёшь, я тоже буду соблюдать траур три года.

Старший дядя Линь почувствовал, как сердце его сжалось. Хвалить ли младшего сына за сыновнюю почтительность или наказать его? Он не чувствовал никакого утешения!

Линь Ин, не замечая душевных терзаний отца, продолжил:

— Брат, я предложил Ли Далангу учиться вместе со мной, но он раскритиковал меня за несыновнее поведение!

— А Ли Эрланг?

— Он ничего не сказал, но, судя по всему, думает так же. — Линь Ин был очень расстроен. В их доме все стремятся попасть, каждый раз, когда его отец читал лекции в академии, не только студенты, но и преподаватели, включая главу академии, и даже ученики из окрестностей, все собирались вокруг. Теперь его отец мог читать лекции только на открытом воздухе, даже без тени, пока Линь Ин не придумал сделать большие зонты, чтобы защититься от солнца.

Линь Дань, услышав это, внутренне презирал таких людей и махнул рукой:

— Если пути расходятся, не стоит идти вместе. Траур — это правильно. Червячок, впредь не ходи к ним.

Маленький магазинчик в академии

Червячок: Я сделал что-то важное!

Даньдань: Ты имеешь в виду зонты от солнца?

<http://bllate.org/book/17701/1652728>